ЗАПИСКИ

СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА II,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

Е. И. Ламанскаго.

Из фонда библиотеки
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Ленингр., Бирж. лин. д. 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1856.

ПЕЩЕРА И ДРЕВНІЯ ПИСЬМЕНА

на берегахъ рѣчки Мангута (въ Юго-Восточной Сибири).

Письмо къ отцу Іоакинѳу (*).

Ваша статья «Китайскія Извѣстія о Мангутской пещерѣ» (**) вызвала меня на поѣздку къ берегамъ рѣчки Мангута. Мнѣ еще въ прошломъ году хотѣлось удовлетворить вашему любопытству относительно надписей, начертанныхъ на одномъ изъ утесовъ Мангутской пещеры; но домашнія обстоятельства заставили отложить мое намѣреніе до весны нынѣшняго года.

Нынѣ, дождавшись благопріятнаго весенняго времени и почти полнаго развитія растительной силы, я, 25 мая, въ 8 часовъ утра, оставилъ Нерчинскъ съ цѣлію посѣщенія Мангутской пещеры и, кромѣ-того, имѣлъ въ-виду другое, не менѣе любопытное изслѣдованіе кочеваго быта агинскихъ Бурятъ и топографіи при-Ононскаго края. На пути моемъ къ Мангуту, я посѣтилъ мѣста, болѣе или менѣе замѣчательныя; но описаніе ихъ для васъ будетъ не интересно. Позвольте мнѣ коснуться главнаго предмета.

(*) Письмо это было написано при жизни отца Іоакинѳа, въ 1852 году, но, по обстоятельствамъ, не отослано.

Прим. И. С. Сельскаго.

(**) См. «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», за мартъ 1851 года.

11 іюня, я достигъ границы Монголіи и тамъ, не доѣзжая 12 верстъ до Мангутскаго караула, въ лагеряхъ конныхъ казаковъ, просилъ содѣйствія въ моемъ предпріятіи у командующаго Мангутскою сотней; на другой день, въ седьмомъ часу утра, я уже переплывалъ Ононъ на батѣ (*), въ сопровожденіи данныхъ мнѣ двухъ пограничныхъ казаковъ. Рѣка Ононъ была въ это время очень полноводна; но мы переправились чрезъ нее благополучно, сѣли на верховыхъ лошадей и скоро поѣхали къ цѣли моего путешествія. Наша дорога шла сперва лугами; мѣстами лежали перелѣски изъ черемхи, яблони (pyrus boccata), разновидныхъ тальниковъ, даурской розы и боярышника; наконецъ мы миновали Бутевскій протокъ, рѣчку Шонницу и сосновый боръ. Не доѣзжая пяти верстъ до пещеры, передъ нами открылась долина, орошаемая рѣчкою Мангутомъ. Она не широка, но течетъ въ крутыхъ берегахъ, опушенныхъ мѣстами тальникомъ и изрѣдка мелкимъ березнякомъ. По обѣимъ сторонамъ долины, въ отдаленіи, параллельно однѣ другимъ, тянутся довольно высокія горы съ непрерывнымъ сосновымъ лѣсомъ влѣво и глубокими междугоріями и отвѣсными утесами вправо.

Выѣхавъ изъ соснового бора и направляя путь на выдавшійся за рѣчкою каменистый мысъ, мы незамѣтно сбились съ тропы и не безъ затрудненія должны были переѣзжать

(*) Батъ — длинный стружекъ, выдолбленный изъ толстаго дерева; онъ легокъ на водѣ и управляется однимъ человѣкомъ.

крутоберегій Мангутъ, а потомъ, вслѣдствіе той же ошибки, слѣдовать безъ дороги по каменьямъ, скрытымъ въ густой травѣ, и глубокимъ вымоинамъ. Такимъ путемъ наконецъ достигли мы того гранитнаго утеса, въ которомъ искусственно вырыта Мангутская пещера. Признаюсь вамъ, я съ большимъ самодовольствіемъ смотрѣлъ на эту пещеру, которую мнѣ такъ сильно хотѣлось видѣть, и о которой писали вы, Н. С Щукинъ (*) и А. А. Мордвиновъ. (**) Пока готовили чай и выбирали удобное мѣсто для нашего табора, я занялся обозрѣніемъ наружной стороны утеса. По южному склону горы, я взошелъ на самую вершину, и съ высоты 18 саженъ открылась мнѣ вся окрестная мѣстность. Прямо передъ мной, на юго-западъ, тянулась гряда хрящевато-песчанистыхъ горъ, покрытыхъ кудрявыми, приземистыми соснами; на сѣверъ, за Мангутскимъ карауломъ, въ отдаленіи, отъ лѣвой стороны Онона, синѣлись значительной высоты горные хребты. Они расположены террасами одни надъ другими и терялись въ неуловимыхъ направленіяхъ за обширной долиной, по которой течетъ рѣчка Тарбалджей. На югѣ виднѣлись холмообразныя, безлѣсныя горы; а за ними, за рубежами Монголіи, лежала полоса горъ, подернутыхъ туманомъ матовой синевы. Внизу, невдалекѣ отъ подошвы утеса, вился Мангутъ; рѣчка эта то терялась въ крутыхъ берегахъ своихъ, то заслонялась тальниками. Здѣсь-то, между купами кустарниковъ, цвѣтутъ другъ за другомъ роскошная lilium spectabile, polemonium caeruleum, пирамидальная кампанула, бѣлый анемонъ, angelica, primula sibirica, рѣдкая primula cortusoides и ярко-оранжевый trollius Ledebouri.

(*) См. «Сѣверная Пчела» за 1851 годъ, № 95. «Мангутская пещера».

(**) См. «Москвитянинъ». «Очеркъ Заяблонья». Мартъ мѣсяцъ 1842 года.

Вверхъ по Мангуту идутъ сѣнокосныя мѣста, а внизъ по теченію его лежатъ нивы, черныя залежи, и въ перелѣскахъ колышатся голубыя полосы ржи, только что въ первый годъ разводимой здѣсь отъ сѣменъ, полученныхъ съ береговъ рѣки Чикоя.

Все, что окружало меня, составляло вообще видъ неописанный, носило на себѣ печать особенности, такъ рѣзко характеризующей нашу живописную Даурію; я былъ подъ обаяніемъ впечатлѣній и взоромъ своимъ, касаясь предѣловъ Малаго Гентея, хотѣлъ проникнуть до загадочныхъ вершинъ Онона, который только въ 35 верстахъ отсюда выходитъ изъ Монголіи, гдѣ нашъ пограничный Верхне-Ольхунскій караулъ является первымъ русскимъ заселеніемъ на берегахъ этой рѣки въ предѣлахъ русской Дауріи.

Но простите за отступленіе: я не знаю, кто бы не увлекся дивною картиною здѣшней чарующей природы. Когда я спускался обратно съ утеса, уже по сѣверному склону горы, то на каждомъ камнѣ отыскивалъ надписей, и спутники мои были заняты тою же идеею. Они расположились на неширокомъ выдавшемся уступѣ скалы, разсматривали письмена и дѣлали о нихъ свои заключенія. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что и во времена давно былыя пытливость человѣческая не разъ проникала сюда. Наши сибирскіе лингвисты, находя какое-то сходство квадратныхъ письменъ съ еврейскими, привозили сюда раввина; письмена уйгурскія приняли за монгольскія и санскритскія за тибетскія. Здѣсь были и ученые бурятскіе ламы, но всѣ эти знатоки нисколько не разъяснили значенія письменъ, если только не затемнили дѣло еще болѣе. Письмена эти начертаны на гладкомъ камнѣ съ сѣверной стороны утеса. Онѣ начинаются снизу отъ входа въ пещеру на высотѣ одной сажени и восьми вершковъ. Исключая одной строки, всѣ писаны черною краской и въ косвенномъ направленіи, что, вѣроятно, было слѣлано для удобства начертить

ихъ. Писавшій долженъ былъ стоять на колѣняхъ или находиться въ полулежачемъ положеніи, утвердившись на нешироко выдавшемся уступѣ скалы.

Писаный камень, какъ называютъ его здѣсь простолюдины, состоитъ изъ плотной массы крупнозернистаго гранита; онъ довольно гладокъ и имѣетъ длины одну сажень, при высотѣ около двухъ аршинъ. За нимъ слѣдуютъ камни неправильныхъ формъ и бо́льшею частію выдвинутые, съ трещинами отъ времени, покрытые красными и зеленоватыми пятнами растительныхъ лишаевъ (lichens). На сѣверной сторонѣ перваго камня находится одиннадцать строкъ древне-монгольскихъ или измѣненныхъ Монголами тангутскихъ квадратныхъ письменъ; изъ нихъ я едва могъ снять девять строкъ, а остальныя вывѣтрились до такой степени, что даже и для знатока восточныхъ языковъ, значеніе ихъ теперь должно остаться загадкою. Двадцать-семь строкъ письма древнихъ Уйгуровъ находятся на южной половинѣ камня, исключая трехъ строкъ, которыя расположены на камнѣ выше всѣхъ надписей и сохранились лучше другихъ, а потому и сняты мною легко, съ соблюденіемъ размѣра и формы ихъ. Въ срединѣ между уйгурскими и тангутскими письменами находится одна строка древнихъ санскритскихъ буквъ, а ниже ея расположены въ три строки китайскія письмена, но онѣ, равно и остальныя уйгурскія, вывѣтрились почти совершенно, такъ что видѣть ихъ теперь можно только при усиленномъ разсматриваніи, намачивая камень водою. Это средство употреблялъ и я при моей копировкѣ.

На полтора аршина отъ писанаго камня, въ-сторонѣ, находится одна строка письменъ древнихъ санскритскихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Ланцза* и употребляемыхъ буддистами, какъ письмена священныя. Эти строки писаны, вѣроятно, китайскою киноварью на маслѣ, поэтому и сохранились хорошо; только жаль, что выдавшійся острымъ угломъ гранитный

камень, на которомъ написаны онѣ, сильно растрескался, вслѣдствіе паденія сверху огромныхъ камней, которые, ударяясь объ него, произвели надколы верхнихъ частей. Однакожъ, надпись сохранилась вся и была только одна въ этомъ мѣстѣ.

Осмотрѣвъ внимательно надписи и опредѣливъ форму ихъ начертанія, я, прежде копированія съ нихъ, какъ труда, требовавшаго времени, захотѣлъ взглянуть на внутренность пещеры. Мои спутники поднялись къ ней довольно бойко и даже, можно сказать, были не вездѣ осторожны; но я не могъ дѣлать этого, сколько по слабости моего здоровья, столько и по чувству сомосохраненія. При начальномъ подъемѣ на выдавшійся гладкій камень, по отвѣсной плоскости утеса, на высоту одной сажени, я поднимался съ помощію толстаго ремня, который держали казаки, стоя на уступѣ. Когда я, такимъ образомъ, твердо вступилъ на выдавшійся залавокъ скалы, то уже легко достигнулъ пещеры и только здѣсь, передъ входомъ въ нее, увидѣлъ что-то похожее на ступени. Въ самой пещерѣ прежде всего мнѣ бросились въ глаза три изображенія буддійскихъ божествъ и аллегорическія фигуры съ тибетскимъ текстомъ, вѣроятно, священнаго содержанія. Онѣ безискусственно намалеваны на четырехугольныхъ лоскуткахъ шелковой матеріи, вздѣты на тальниковую палку и помѣщаются въ переднемъ углу. Все это находится здѣсь, конечно, не такъ давно. Сначала я никакъ не могъ разсмотрѣть этихъ изображеній: такъ сильно онѣ были испачканы пометомъ каменныхъ стрижей (cypselus apus), которые въ расщелинахъ потолка вьютъ себѣ гнѣзда. Птицы во все время нашего пребыванія въ пещерѣ какъ будто не замѣчали насъ и спокойно чирикали въ своихъ яйцеобразныхъ гнѣздахъ. Въ зимнее время здѣсь обитаютъ стаи дикихъ голубей: толстые слои помета служатъ тому доказательствомъ. Сказываютъ, что въ прежнее время, когда въ горахъ русской Дау-

ріи водились аргали (каменные бараны), то животныя эти, лѣпясь по скаламъ Мангутскихъ горъ, заходили во внутренность пещеры, куда въ знойные дни лѣта завлекали ихъ прохладная тѣнь и безопасность отъ преслѣдованій охотника.

Мангутская пещера, извѣстная здѣсь болѣе подъ именемъ Нукэтуя, занимаетъ пространство въ длину двадцать-четыре фута, въ ширину четырнадцать футовъ, при высотѣ въ пять аршинъ; верхъ ея имѣетъ овальную, неправильную форму; мѣстами образовались щели, въ которыя просачивалась вода, послѣ недавно передъ тѣмъ бывшаго, продолжительнаго ненастья. Стѣны пещеры не имѣютъ ничего особеннаго; полъ неровенъ и покрытъ пластами нечистоты. Въ переднемъ углу, на правой сторонѣ отъ входа, замѣтно углубленіе, которое, какъ видно, образовано самою природою, а потомъ расширено выборкою изъ него камней. Это доказываетъ и самый видъ углубленія, идущаго во внутрь утеса щелью, постепенно съуживающеюся при окончаніи.

Рѣчка Мангутъ беретъ свое начало изъ горъ Малаго Гентэя, пустившаго вѣтви свои по правую сторону рѣчки Онона и выходящаго съ нимъ изъ Монголіи. Мангутъ имѣетъ теченія 20 верстъ по направленію отъ юга на сѣверъ. Берега и ближнія окрестности его были обитаемы въ глубокой древности. Доказательствомъ этого служатъ намъ разнаго рода древнія вещи и могильные памятники, раскиданные по Мангутской долинѣ и около устьевъ рѣчекъ Анаджаканя и Элотея.

Несмотря на палящій зной іюньскаго солнца, я съ большимъ терпѣніемъ переводилъ на бумагу древнія письмена, на что было употреблено мною цѣлыхъ семь часовъ. Совершивъ это трудное для меня дѣло, я остался вполнѣ доволенъ моею поѣздкою къ Мангутской пещерѣ и тотчасъ же отправился вверхъ по р. Онону.

Скоро открылся предъ нами Мангутскій караулъ, расположенный на лѣвомъ берегу р. Онона; ниже сего мѣста по лѣвому побережью этой рѣки кочуютъ Тунгусы Поцогойскаго рода Хамниганы.

Юренскій,
Чл.-С.

О надписи, находящейся на скалѣ у Мангутской пещеры (*).

1. Три слова на верху надписи, начертанныя вертикально, писаны уйгурскими буквами. Начиная отъ лѣвой руки можно читать ихъ слѣдующимъ образомъ:

Убэръ танвáръ унý.

или: *Убэръ тавáръ усý.*

Послѣднее чтеніе заключаетъ въ себѣ всѣ слова монгольскія, которыя на первый разъ можно было перевести такъ: «*Собственное богатство — вода.*»

2. Вторая горизонтальная строка написана санскритскою вязью и заключаетъ въ себѣ извѣстное воззваніе къ буддайскому праведнику Хоншимъ-Бодисатвѣ:

«*Омъ ма ни бад-ме хунъ!*

т. е. *О, манй-бадмà, даруй!*»

3. Слѣдующія за тѣмъ вертикальныя строки, числомъ девять, писаны тангутскими буквами, нѣсколько похожими на тибетскія, и по тангутской методѣ, въ которой гласныя бук-

(*) См. прилагаемое изображеніе.